

Не надо врать

Я учился очень давно. Тогда ещё были гимназии. И учителя тогда ставили в дневнике отметки за каждый спрошенный урок. Они ставили какой-нибудь балл — от пятёрки до единицы включительно.

А я был очень маленький, когда поступил в гимназию, в подготовительный класс. Мне было всего семь лет.

И я ничего ещё не знал, что бывает в гимназиях. И первые три месяца ходил буквально как в тумане.

И вот однажды учитель велел нам выучить наизусть стихотворение:

Весело сияет месяц над селом,
Белый снег сверкает синим огоньком...

А я этого стихотворения не выучил. Я не слышал, что сказал учитель. Я не слышал потому, что мальчишки, которые сидели позади, то шлёпали меня книгой по затылку, то мазали

мне ухо чернилами, то дёргали меня за волосы и, когда я от неожиданности вскакивал, подкладывали под меня карандаш или вставочку. И по этой причине я сидел в классе перепуганный и даже обалдевший и всё время прислушивался, что ещё замыслили против меня сидевшие позади мальчишки.

А на другой день учитель, как назло, вызвал меня и велел прочитать наизусть заданное стихотворение.

А я не только не знал его, но даже и не подозревал, что на свете есть такие стихотворения. Но от робости я не посмел сказать учителю, что не знаю этих стихов. И совершенно ошеломлённый стоял за своей партой, не произнося ни слова.

Но тут мальчишки стали подсказывать мне эти стихи. И благодаря этому я стал лепетать то, что они мне шептали.

А в то время у меня был хронический насморк, и я плохо слышал одним ухом и поэтому с трудом разбирал то, что они мне подсказывали.

Ещё первые строчки я кое-как произнёс. Но когда дело дошло до фразы: «Крест под облаками, как свеча, горит», я сказал: «Треск под сапогами, как свеча, болит».

Тут раздался хохот среди учеников. И учи-

тель тоже засмеялся. Он сказал:

— А ну-ка, дай сюда свой дневник! Я тебе туда единицу поставлю.

И я заплакал, потому что это была моя первая единица и я ещё не знал, что за это бывает. После уроков моя сестрёнка Лёля зашла за мной, чтобы вместе идти домой.

По дороге я достал из ранца дневник, развернул его на той странице, где была поставлена единица, и сказал Лёле:

— Лёля, погляди, что это такое? Это мне учитель поставил за стихотворение «Весело сияет месяц над селом».

Лёля поглядела и засмеялась. Она сказала:

— Минька, это плохо! Это тебе учитель вlepил единицу по русскому языку. Это до того плохо, что я сомневаюсь, что папа тебе подарит фотографический аппаратик к твоим именинам, которые будут через две недели.

Я сказал:

— А что же делать?

Лёля сказала:

— Одна наша ученица взяла и заклеила две страницы в своём дневнике, там, где у неё была единица. Её папа поcлyонил пальцы, но отклеить не мог и так и не увидел, что там было.

Я сказал:

— Лёля, это нехорошо — обманывать родителей!

Лёля засмеялась и пошла домой. А я в грустном настроении зашёл в городской сад, сел там на скамейку и, развернув дневник, с ужасом глядел на единицу.

Я долго сидел в саду. Потом пошёл домой. Но когда подходил к дому, вдруг вспомнил, что оставил свой дневник на скамейке в саду. Я побежал назад. Но в саду на скамейке уже не было моего дневника. Я сначала испугался, а потом обрадовался, что теперь нет со мной дневника с этой ужасной единицей.

Я пришёл домой и сказал отцу, что потерял свой дневник. И Лёля засмеялась и подмигнула мне, когда услышала эти мои слова.

На другой день учитель, узнав, что я потерял дневник, выдал мне новый.

Я развернул этот новый дневник с надеждой, что на этот раз там ничего плохого нету, но там против русского языка снова стояла единица, ещё более жирная, чем раньше.

И тогда я почувствовал такую досаду и так рассердился, что бросил этот дневник за книжный шкаф, который стоял у нас в классе.

Через два дня учитель, узнав, что у меня нету и этого дневника, заполнил новый. И, кроме единицы по русскому языку, он там вывел

мне двойку по поведению. И сказал, чтоб мой отец непременно посмотрел мой дневник.

Когда я встретился с Лёлей после урока, она мне сказала:

— Это не будет враньё, если мы временно заклеим страницу. И через неделю после твоих именин, когда ты получишь фотоаппаратик, мы отклеим её и покажем папе, что там было.

Мне очень хотелось получить фотографический аппарат, и я с Лёлей заклеил уголки злополучной страницы дневника. Вечером папа сказал:

— Ну-ка, покажи свой дневник! Интересно знать, не нахватал ли ты единиц?

Папа стал смотреть дневник, но ничего пло-

хого там не увидел, потому что страница была заклеена.

И когда папа рассматривал мой дневник, на лестнице вдруг кто-то позвонил.

Пришла какая-то женщина и сказала:

— На днях я гуляла в городском саду и там на скамейке нашла дневник. По фамилии я узнала адрес и вот принесла его вам, чтобы вы сказали, не потерял ли этот дневник ваш сын.

Папа посмотрел дневник и, увидев там единицу, всё понял.

Он не стал на меня кричать. Он только тихо сказал:

— Люди, которые идут на враньё и обман, смешны и комичны, потому что рано или поздно их враньё всегда обнаружится. И не было на свете случая, чтобы что-нибудь из вранья осталось неизвестным.

Я, красный как рак, стоял перед папой, и мне было совестно от его тихих слов.

Я сказал:

— Вот что: ещё один мой, третий, дневник с единицей я бросил в школе за книжный шкаф.

Вместо того чтобы на меня рассердиться ещё больше, папа улыбнулся и просиял. Он схватил меня на руки и стал меня целовать.

Он сказал:

— То, что ты в этом сознался, меня исключительно обрадовало. Ты сознался в том, что могло долгое время остаться неизвестным. И это мне даёт надежду, что ты больше не будешь врать. И вот за это я тебе подарю фотоаппаратик.

Когда Лёля услышала эти слова, она подумала, что папа свихнулся в своём уме и теперь всем дарит подарки не за пятёрки, а за единицы.

И тогда Лёля подошла к папе и сказала:

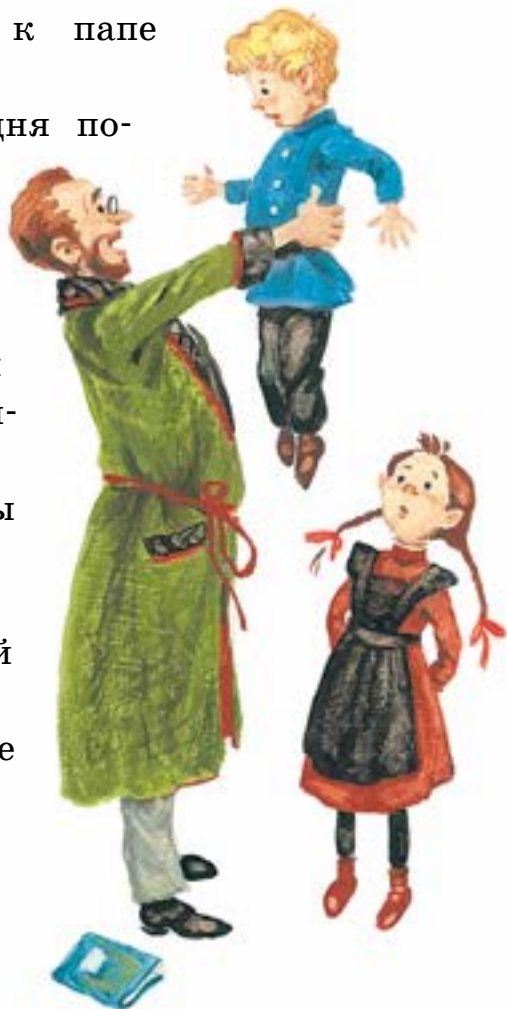
— Папочка, я тоже сегодня получила двойку по физике, потому что не выучила урока.

Но ожидания Лёли не оправдались. Папа рассердился на неё, выгнал её из своей комнаты и велел ей немедленно сесть за книги.

И вот вечером, когда мы ложились спать, неожиданно раздался звонок.

Это к папе пришёл мой учитель. И сказал ему:

— Сегодня у нас в классе была уборка, и за книжным шкафом мы нашли дневник

вашего сына. Как вам нравится этот маленький врун и обманщик, бросивший свой дневник, с тем чтобы вы его не увидели?

Папа сказал:

— Об этом дневнике я уже лично слышал от моего сына. Он сам признался мне в этом поступке. Так что нет причин думать, что мой сын неисправимый врун и обманщик.

Учитель сказал папе:

— Ах вот как. Вы уже знаете об этом. В таком случае — это недоразумение. Извините. Покойной ночи.

И я, лёжа в своей постели, услышав эти слова, горько заплакал. И дал себе слово говорить всегда правду.

И я действительно так всегда и теперь поступаю.

Ах, это иногда бывает очень трудно, но зато у меня на сердце весело и спокойно.

Калоши и мороженое

Когда я был маленький, я очень любил мороженое. Конечно, я его и сейчас люблю. Но тогда это было что-то особенное — так я любил мороженое.

И когда, например, ехал по улице мороженщик со своей тележкой, у меня прямо начиналось головокружение: до того мне хотелось покушать то, что продавал мороженщик.

И моя сестрёнка Лёля тоже исключительно любила мороженое.

И мы с ней мечтали, что вот, когда вырастем большие, будем кушать мороженое не менее как три, а то и четыре раза в день.

Но в то время мы очень редко ели мороженое. Наша мама не позволяла нам его есть. Она боялась, что мы простудимся и захвораем. И по этой причине она не давала нам

на мороженое денег.

И вот однажды летом мы с Лёлей гуляли в нашем саду. И Лёля нашла в кустах калошу. Обыкновенную резиновую калошу. Причём очень ношенную и рваную. Наверное, кто-нибудь бросил её, поскольку она разорвалась.

Вот Лёля нашла эту калошу и для потехи надела её на палку. И ходит по саду, машет этой палкой над головой.

Вдруг по улице идёт тряпичник. И кричит: «Покупаю бутылки, банки, тряпки!»

Увидев, что Лёля держит на палке калошу, тряпичник сказал Лёле:

— Эй, девочка, продаёшь калошу?

Лёля подумала, что это такая игра, и ответила тряпичнику:

— Да, продаю. Сто рублей стоит эта калоша.

Тряпичник засмеялся и говорит:

— Нет, сто рублей — это чересчур дорого за эту калошу. А вот если хочешь, девочка, я тебе дам за неё две копейки, и мы с тобой станемся друзьями.

И с этими словами тряпичник вытащил из кармана кошелёк, дал Лёле две копейки, сунул нашу рваную калошу в свой мешок и ушёл.

Мы с Лёлей поняли, что это не игра, а на самом деле. И очень удивились.

Тряпичник уже давно ушёл, а мы стоим и глядим на нашу монету.

Вдруг по улице едет мороженщик и кричит:

— Земляничное мороженое!

Мы с Лёлей подбежали к мороженщику, купили у него два шарика по копейке, моментально их съели и стали жалеть, что так за дешёво продали калошу.

На другой день Лёля мне говорит:

— Минька, сегодня я решила продать тряпичнику ещё одну какую-нибудь калошу.

Я обрадовался и говорю:

— Лёля, разве ты опять нашла в кустах калошу?

Лёля говорит:

— В кустах больше ничего нет. Но у нас в прихожей стоит, наверно, я так думаю, не меньше пятнадцати калош. Если мы одну продадим, то нам от этого худо не будет.

И с этими словами Лёля побежала на дачу и вскоре появилась в саду с одной довольно хорошей и почти новенькой калошей.

Лёля сказала:

— Если тряпичник купил у нас за две копейки такую рвань, какую мы ему продали в прошлый раз, то за эту почти что новенькую калошу он, наверное, даст не менее рубля.

Воображаю, сколько мороженого можно будет купить на эти деньги.

Мы целый час ждали появления тряпичника, и, когда мы наконец его увидели, Лёля мне сказала:

— Минька, на этот раз ты продавай калошу. Ты мужчина, и ты с тряпичником разговаривай. А то он мне опять две копейки даст. А это нам с тобой чересчур мало.

Я надел на палку калошу и стал махать палкой над головой.

Тряпичник подошёл к саду и спросил:

— Что, опять продаётся калоша?

Я прошептал чуть слышно:

— Продаётся.

Тряпичник, осмотрев калошу, сказал:

— Какая жалость, дети, что вы мне всё по одной калошине продаёте. За эту одну калошу я вам дам пятак. А если бы вы продали мне сразу две калоши, то получили бы двадцать, а то и тридцать копеек. Поскольку две калоши сразу более нужны людям. И от этого они подсакивают в цене.

Лёля мне сказала:

— Минька, побегии на дачу и принеси из прихожей ещё одну калошу.

Я побежал домой и вскоре принёс какую-то калошу очень больших размеров.

